

самых заметных культурных событий

МНЕНИЕ

Литературное событие

Только что в библиотеках появился 12-й (за 1999 год) номер «Нового мира», где в разделе «Дневник писателя» помещен очерк Александра Солженицына «Иосиф Бродский — избранные стихи». Нерядовой факт литературной жизни, по-особому воспринимаемый именно сейчас, когда февральское присуждение очередной Солженицынской премии Валентину Распутину вызвало дежурный выплеск отнюдь не литературной злости постмодернистов к Солженицыну.

Еще недавно благостный Фрэнсис Фукуяма предрекал пресловутый «конец истории», освобождающий цивилизованное общество, будто бы нашедшее терминальную «модель демократии», от необходимости думать о будущем, бороться и искать... Идиллия не состоялась. Зато длится еще «отпускной период отечественной литературы» с календарными хорошо субсидируемыми застольями, «философскими пароходами» — не на голодный желудок — и бутафорскими экспедициями интеллектуалов в глубинку — будь то финский Ювасюля или провинциальный городок Мышкин. Постмодернист Михаил Берг не впервые раздраженно внушил нам, что «писатель — в лучшем случае собеседник, интеллектуал, комментатор прошлого и настоящего, творец парадоксальных или банальных интерпретаций, в худшем — создатель либретто для мыльных опер». Но как бы ни противился Берг «реанимации роли писателя как властителя дум», на сей день в нашей литературе конца века — два первых лица, получивших мировое признание. Это — нобелевские лауреаты Солженицын и Бродский. И только они определяют собой подлинный ландшафт отечественной словесности. Поэтому развернутое рассуждение одного из наших «олимпийцев» о другом — событие особой значимости. Тем более что в русской классике гении, как правило, не взаимодействуют; куда охотней они общаются с «подмастерьями» (Грибоедов — Булгарин, Лев Толстой — Страхов, Бродский — Евгений Рейн и т. п.). Ухтились не встретиться и не завязать знакомства Толстой и Достоевский, Набоков и Солженицын. Иногда встречаются свидетельства «задним числом», как, например, такое: «Я никогда не видел этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек». Это Лев Толстой пишет Страхову о Достоевском.

С другой стороны, нелицеприятные отзывы равного о равном способны — как в физике световой кванта, падающий на объект микромира, — сдвинуть выработанные критикой и литературо-ведением оценки: ведь судит-то небожитель, мудрец... Вспомнить хотя бы принижение Пушкиным радищевских заслуг. Или «Письмо Белинского к Гоголю»... Есть и особый аспект нашей читательской настороженности к высочайшим литературным вердиктам — «сильной личности все

дозволено», и нам весьма не-уютно натолкнуться на толстовское «Бетховен — бездарность». Да и слова о «Повестях Белкина» — «недостойны ни таланта, ни имени Пушкина» — принадлежат не кому-нибудь, а Белинскому. Слова мастера ударают болезненно. И еще — неписаное табу: об ушедших критиках не судят... За очевиднейшие ляпсы — «со сна садится в ванну со льдом» и «Ужо, постой!» просвещенные читатели обижались не на Пушкина и Бло-

дого-долго мучили, терзали, не печатали, убивали, а потом разрешили и стали писать о нем диссертации. И тогда уже не скажи о нем дурного слова». И настораживаются в готовности новоявленные «приватизаторы» творческого наследия Бродского: как это, мол, Солженицын смеет называть какое-то сравнение Бродского «натянутым». Оскорблениe, да и только...

Побаиваляемся мы «высочайших вердиктов» и в силу некоторой заносчивости иных из литературных «генералов». Известна презрительность Набокова ко всему, что не он сам: «Солженицына не читал, телевизор не смотрел». Да и сам объект солженицынского анализа —

«Мандельштам — масса провалов». «Блок — человек и поэт во многих своих проявлениях чрезвычайно пошлый»(?!). Какой-то литературный Собакевич... Справедливо ради вспоминания, что и на себя Бродский иногда раздражался: «Переводил «Квартеты» Элота, но это вышло довольно посредственно, слишком много отсебятины». (Все цитаты альбома — из книги Соломона Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским».)

Надо упредить и еще один «методологический» противодействие: нельзя-де выбрать для анализа отдельные стихи, даже сборники — судить надо по «всему» творчеству... Литература — это не изюм в сайдине. И на это — два ответа, общий и частный. Общий: и самое великое произведение по разным меркам оценивается обывателем и мастером. Первому — до гроба умляться и благоговеть; мастеру же дано видеть не только вершины, но и промахи. Поэтому суждения равного о равном выглядят иногда субъективно заниженными. Частный ответ: сам Бродский чаще других выбирает исключительно «изюм». А перлы — всегда штучный товар. Вот примеры: «Хорошие — очень! — стихи о войне у Бориса Слуцкого, пять-шесть у Тарковского Арсения Александровича». Или — о Цветаевой: «Самое лучшее из всех ее «белогвардейских» стихов — это восемь строчек, кончающихся «за словом «долг» напишут слово «Дон».

Понятно, почему неожиданный очерк Александра Солженицына бьет по живому. Имеющий право говорить. И привыкают в тревоге околовлитературные «фигуранты» из тех, кого сам Бродский презрительно именует «специалистами по биографиям». Ведь Солженицын, игнорирующий литературный «гарнir», смотрит только на главное. Участники симпозиумов, «круглых столов» и конференций «по Бродскому» хозяйственно разбирают по рукам его наследие. Кому достается пятистопный анапест, кому — элегии, кому — реминисценции в творчестве классика. Есть и работа про «образ рояля у Бродского»... Солженицын не таков. В чем суть творчества, особенность творческой личности, каков вектор цели автора — вот его вопросы. Чем он ценен и насколько?

Вопрос о ценности для иных, что сатане — крест. Плодовитый французский эссеист Морис Бланшо еще в середине столетия сосредоточился на отрицании всего значимого в искусстве. «Задача (критики, — Г.В.), — писал он, — чтобы убечь и избавить наше мышление от понятия ценности». Вот где сталкиваются те, кому литература — игра, комментарий, мыльная опера, и те, кто нынче ходит в

«архангелах». «Хорошо бы нам иногда вспоминать, — пишет критик Алла Латынина, — как прогрессивная критика в экзистенции либерального мракобесия травила Достоевского, Фета, Лескова, чтобы потом сохранились строчки в примечаниях в их собраниях сочинений». И Солженицын подоспел вовремя — не утянули бы те и Бродского!

«Где-то в середине 80-х или несколько раньше, — свидетельствует близко знавший поэта Александр Кушнер, — в его поэзии появилась интонация равнодушия и заведомого отрицания всех ценностей. Сотни поэтов переняли презрительно-высокомерную интонацию некоторых поздних его стихов». И как тут не привести убийственную реплику еще одного нобелевского лауреата, польского поэта Чеслава Милюса, заметившего, что произведения Пастернака и Солженицына судят современную литературу посредством «восстановления в правах иерархии ценностей, отказ от которых способен вернуть человеку в безумие...» Они заново разграничивают то, что существенно в человеческой жизни, и то, что признают для себя важным все, кто с жиру бесится».

Учитывая напоминание Александра Кушнера, можно ожидать, что Солженицын будет особенно суров — это придает сконченную заостренность нашему чтению очерка. Ведь сталкиваются два мировоззрения. Кредо Бродского высказано им в нобелевской речи: «Человек является существом эстетического прежде, чем этическим. Литература и, в частности, поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет собой, грубо говоря, нашу видовую цель». Нобелевская речь Солженицына противопоставлена: «Что же может литература против безжалостного натиска открытого насилия? А не забудем, что насилие не живет одно: оно неизменно сплетено с ложью. Против многоного в мире может выстоять ложь, но только не против искусства. А едва разница будет ложь, — отвратительно откроется нагота насилия — и насилие драхмое падет... Одно слово правды весь мир перетянет».

— В рифмах Бродский неистощим и высокоизобретателен, извлекает их из языка там, где они будто не существуют;

— прекрасные строчки: «то ли песня навсегда сложена/ и посмертно зачущена»;

— текут виртуозные строфы;

— «Письма римскому другу»

звучат и дышат так, будто в самом деле дошли к нам из древнего Рима;

— во всех его возрастных периодах есть отличные стихи, превосходные в своей целости, без изъяна... Великолепна «Бабочка»; и графическая форма стиха, и краткость строк передают порхание ее крыльев (тут и мысли свежи); «На столетие Анны Ахматовой» — из лучших, что он написал, сущенко и лапидарно. «Памяти Геннадия Шмакова»: этот стих поражает блестательной виртуозностью, фонетикой эпитетов. И, наконец, разительный «Осенний крик ястреба»... Это не только его автопортрет, картина всей его жизни.

Недавно это место из солженицынской лекции цитировал наш министр иностранных дел перед собравшимися: исключать Россию из Совета Европы высокопоставленными защитниками прав ичкерийских бандитов и внес смятение в их ряды: не добрали те голосов для исключения!

Не литература — «высшая видовая цель» человечества, а его выживание: ведь человек — по Солженицыну — постоянно стоит перед лицом поражения. Литература — средство выживания,

средство отыскания истины как высшей ценности — важнейшего оружия человечества.

Но этическое не противопоставлено эстетическому. Каждое

— по Солженицыну — не одно

— временно.

И не случайно учрежденная им литературная премия

присуждается

лишь тем, кто «обладает высшими художественными достоинствами, способствует самопознанию России, вносит значительный вклад в сохранение и бережное развитие отечественной литературы».

В «Литературной коллекции»

Солженицын

Бродский

оказывается

компаньоном

Андрея Бело

— автора романа-эпопеи

«Петербург».

Там собраны самые

знако-вые

имена

русской

литера

туры

XX

века, что гарантирует их

от переоценки

масштабов.

Знаменитый коллекционер

глядя

в

их

наследие,

надеялся

«выжить»

еще

невосприятое,

увидеть

свежим

глазом

пропу

щен

ности

и

от

человечества.

Нельзя не пожалеть его».

Выросший на русской почве,

Бродский

оказался не прижив

шимся

к ней: «Облаком нависла

сущностная отчужденность

Брод

ского

от русской

литературной

традиции,

исключая

расхожие

отголоски,

оттуда выхваченные;

чужест

илен

мировоззреческой,

интел

иц

и

чужест

илен

сущ

ности

и

от

человечества.

Нельзя не пожалеть его».

Выросший на русской почве,

Бродский

оказался не прижив

шимся

к ней: «Облаком нависла

сущностная отчужденность

Брод

ского